УДК 398.41+616-054

ББК 63.5

DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-135-140

М. М. Содномпилова

К ПРОБЛЕМЕ «ШАМАНСКОЙ БОЛЕЗНИ»: ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ ИЛИ ДУШЕВНЫЙ НЕДУГ?

В число распространенных заболеваний, описываемых у народов Сибири в документах XIX в., входят различные виды душевных недугов. Определенное отношение к психическим расстройствам имеет и «шаманская болезнь», социальный облик которой формировался в рамках культурных традиций коренных народов Сибири. В статье рассматриваются природа происхождения этой формы психического расстройства, характерные признаки его проявления.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, душевный недуг, шаманская болезнь, обычай, камлание, природа.

M. M. Sodnompilova

TO THE PROBLEM OF THE “SHAMAN DISEASE”: SPECIAL ABILITIES OR MENTAL DISORDER?

Among frequent diseases, described by the peoples of Siberia in the documents of the 19th century there are different types of mental disorder. The “shaman disease” has a certain relation to mental disorders, social image of which was formed in the frame of cultural traditions of Siberian indigenous people. The article examines the origin of this mental disorder and its features.

Keywords: Turko-Mongol peoples, mental disorder, “shaman disease”, customs, shamanistic ritual, origin.

В число распространенных заболеваний, описываемых у народов Сибири в документах XIX в., входят различные виды душевных недугов. Помимо разных форм безумия (истерия, мания) в прошлом к психическим расстройствам относили эпилепсию, бред, галлюцинации, судороги, депрессии и склонность к самоубийству. Сумасшедшим объявлялся любой человек, поведение которого выходило за рамки привычной нормы. Определенное отношение к психическим расстройствам имеет, очевидно, и «шаманская болезнь» – *бөөгийн өвчин* (монг.).

Сверхъестественная способность общаться с миром божеств и духов, посещать иные миры в культуре сибирских народов понималась как особый дар представителей иного мира избранному ими человеку. Эти способности могли унаследовать только кровные родственники шамана – дети, внуки, правнуки. Дух умершего шамана мог выбрать любого из своих потомков, а признаком избранничества, как правило, являлась «шаманская болезнь». Проявления «шаманской болезни», отражающие, главным образом, изменения психики человека, подробно описаны исследователями. Основ-

ные признаки шаманского призвания у бурят описал М. Н. Хангалов. Будущий шаман становится задумчив, уединяется, видит вещие сны, подвергается припадкам, во время которых находится в бесчувственном состоянии. Такое поведение объяснялось отсутствием у юноши души, которая в это время проходила обучение шаманскому искусству. Со временем молодой человек все чаще уединяется, уходит в горы или лес и там у разведенного костра начинает шаманить, призывать богов, также посещает дома, где совершаются жертвоприношения, наблюдает за действиями шаманов [1958: 370–372], иными словами – учится шаманить. Сходным образом характеризует признаки «шаманской болезни» у хакасов В. Я. Бутанаев. Он подчеркивает, что получающий шаманский дар подвергается испытанию психической болезнью. Избранник духов теряет рассудок, впадает в состояние транса. Подобное состояние усиливается весной, когда открываются горы и реки, и осенью, когда они закрываются [2006: 22, 24].

Особенно много внимания посвятил проблемам «шаманской болезни» В. Н. Басилов, который в конечном итоге опроверг главенствующую в исследовательских работах концепцию шаманов-неврастеников. Полагаем, что «шаманская болезнь» проявлялась только у ограниченной части людей, происходящих из шаманского рода и страдавших психическим расстройством. Считать всех шаманов и их потомков психически больными, конечно же, неверно. Т. М. Михайлов, лично знакомый со многими шаманами, получившими посвящение до революции, шаманами, практиковавшими в советское время, особо подчеркивает, что все они были психически нормальными людьми и никогда не болели эпилепсией, нервным расстройством и т. п. По его мнению, хотя среди шаманов и встречались нервнобольные, они не характеризуют общий облик дореволюционных шаманов. Т. М. Михайлов полагал, что шаманов преследовали вполне обычные болезни, а не только психические [1987: 97].

Однако полностью отвергать факт концентрации людей с душевным недугом в определенных родах, имеющих сильные шаманские корни, все же нельзя. Этот феномен сильных шаманских родов, у которых из поколения в поколение появлялись известные шаманы, объясняется отчасти тем, что нешаманские роды бурят избегали вступать с членами шаманских родов в браки [Манжигеев 1961: 11].

Известно, что предрасположенность к заболеваниям шизофренического спектра имеет наследственный характер. Но эти заболевания могут быть реализованы только при определенных обстоятельствах. Обычно психическая травма лишь провоцирует скрытый шизофренический процесс, который рано или поздно проявился бы и безо всякого внешнего воздействия. Наследственный характер психических расстройств в генеалогии шаманов подтверждается поверьями якутов, что неупокоенный мертвец (шаман), сородичи которого забыли о своем долге трижды перезахоронить его останки, вредил, прежде всего, своей родне, причиняя ей болезни, которыми сам страдал при жизни [Алексеев 1992: 62].

Г. М. Осокин пишет в своем очерке о населении юго-западного Забайкалья, что у матери-эмирячки и дети рождались такими же, но в раннем возрасте эта болезнь проявлялась редко. По наблюдениям исследователей, проявление «шаманской болезни» обычно начиналось, когда молодые люди были подростками или уже выходили из этого возраста. Так, например, у ойратов «шаманская болезнь» давала о себе знать обычно в 13–18 лет и старше. При этом признаки этой болезни обычно проявлялись в год животного, под знаком которого человек родился, т. е. во время смены 12-летнего годовичного цикла [Эрдэнэболд 2012: 151].

Как только начинались проявления заболевания, родители юноши готовились к обряду посвящения его в шаманы. Данных, свидетельствующих, что обряды посвящения в шаманки проводили девушкам до брака, отсутствуют. Возможно, что в прошлом такие действия могли иметь место, но в XIX в. о проведении таких об-

рядов девушкам ничего не говорится. Девушек обычно выдавали замуж, полагая, очевидно, что недуг пройдет. Но нередко душевная болезнь проявлялась у уже замужних женщин. Согласно преданиям, свои необычные способности девушки проявляли уже в семье мужа. Очевидно, брак и становился тем сложным психическим испытанием для женщин с плохой наследственностью, запускавшим развитие болезни. Шаманкой она могла стать уже в браке, если с этим соглашалась родня мужа. Обычно же судьба таких женщин складывалась трагично – они либо заканчивали жизнь самоубийством, либо семья мужа избавлялась от них. Предания бурят гласят, что нередко жестокие свекрови и другие родственники мужа расправлялись с такими невестками, скрутив их в кошму и бросив в закрытой юрте, а семьи немедленно откочевывали прочь. Расправлялись со своими невестками, заболевшими психическим недугом, и якуты. Якутские предания об известных знатных женщинах, страдавших психическими заболеваниями в замужестве, свидетельствуют, что семья мужа относилась к больным равнодушно: женщин, убежавших из дома в период обострения болезни, не искали, тех, кто пытался покончить с собой, не спасали. В редких случаях только богатые отцы больных женщин из любви к дочерям оплачивали их причуды и просили семью мужа быть к ним добрее [Дух-хозяйка Алтана 2004: 312–318; Богулурская айыы 2004: 318–320].

После мученической смерти эти женщины, как правило, становились вредоносными духами, мстившими своим родичам, которым приносили жертвы, чтобы задобрить их [I]. Впоследствии они становились почитаемыми заянами и онгонами, так как, по представлениям шаманистов, люди, умершие мученической смертью, в т. ч. от голода и холода, возносились на небо. Небожители-тэнгэрины таких людей отправляли на землю, наделив их статусом почитаемых духов, которые могли принимать жертвы от людей. Так множился шаманский пантеон почитаемых духов [Манжигеев 1978: 79].

Представления о наследовании шаманского дара, по мнению Н. А. Алексеева, являются религиозной интерпретацией объективно существовавшей наследственной нервной болезни некоторых шаманов. Симптомы наследственной болезни принимались якутами за свидетельство того, что человек призывается на служение духам, т. е. должен стать шаманом [1975: 130].

Для психических расстройств, обозначаемых как «эмирячество», характерны также и групповые формы истерии или припадка, которые нередко отмечались исследователями шаманизма. Так, Г. М. Осокин стал свидетелем в бурятском улусе проявления групповой истерии: на посиделках группа из восьми человек потешалась над одной больной женщиной-эмирячкой, пугая ее толчками и выкриками. Но в какой-то момент неожиданно истерия распространилась на всех участников посиделок, а некоторых из них это состояние преследовало еще несколько дней [1906: 215].

У бурят-шаманистов групповые формы истерии назывались *бөөлөөшэн*, *найгурами*, а члены подобных групп – *найгуршинами*, *болошинами*. Во многом проявление групповых форм религиозной истерии было обусловлено устойчивыми отрицательными эмоциями в среде бурят в условиях самодержавного строя как реакция на социальное и национальное угнетение со стороны имперских властей. Такая форма религиозной истерии отмечена у бурят в конце первой половины XIX в. В начале XX в. *найгуры* стали довольно частым явлением.

Найгуры часто возникали во время больших эпидемий и охватывали значительную часть населения, особенно молодежь [Михайлов 1987: 55]. В определении, данном И. А. Манжигеевым, – это групповое камлание обычно молодых шаманистов для поиска и обнародования (признания) культа нового духа-покровителя (заяна). Содержание *найгуров* мрачное – это вопли, выражающие скорбь и горечь

страдающего человека, просящего помощи от шаманских духов [цит. по: Михайлов 1987: 55]. Участники группового камлания под предводительством *минааши* – зачинщика шествия, в течение нескольких суток, а порой недель и месяцев, преимущественно ночью с колокольчиками в руках, пешком или верхом на лошади посещали дома своих одноулусников, призывая имя заяна, производя возлияние вином и стараясь этим самым вовлечь в свою компанию новых участников. Как правило, *минааши* – внезапно помешавшийся человек, решивший, что в него вселился какой-то неизвестный дух, от имени которого он начинал шаманить. Обзаведясь кнутом и колокольчиком, он ходил по улусу, посещая каждый дом. После его визита в доме заболела молодежь, которая примыкала к зачинщику шествия. Их считали «божьими людьми» и принимали как дорогих гостей. Члены группы находились в эмоциональном возбуждении, которое подогревалось не только спиртным, но и хоровым призыванием имени нового заяна, жалобными мелодиями импровизированного пения, ритмическими телодвижениями, поклонами, покачиванием, гримасами [Манжигеев 1978: 27]. Все это в совокупности вызывало среди верующих массовый психоз, в который вовлекались все новые участники. Найгуры могли продолжаться недели, месяцы и более длительное время, охватывая все новые улусы и районы.

Причины широкого распространения психических расстройств у сибирских народов, в число которых входит и «шаманская болезнь», интересовали многих исследователей. Выдвигались самые разные гипотезы – от суровых климатических условий до тяжелого социального положения инородцев в XIX в. Особый интерес представляет мнение Н. А. Алексеева, который видел причину в прошлом значительного количества психических заболеваний, в частности у якутов, в чрезмерном увлечении населения шаманскими камланиями, которые обуславливали усиление всяких психических заболеваний [1975: 170]. Размышлениям Н. А. Алексеева вторит А. И. Манжигеев, который, анализируя живучесть религиозных пережитков среди бурят, и в частности шаманистических, подчеркивает особую роль шаманской поэзии. «На умы нервно- и психически расстроенных людей очень заразительно действует трагический, жалобный мотив шаманской поэзии – заклинаний духов во время найгура. Под влиянием ее больные могут поверить во что угодно» [1962: 83].

Эти предположения подтверждаются этнографическими материалами, показывающими, что порой сильное влияние на участников обряда, вызывая групповой нервно-психический припадок, оказывали действия шамана во время камлания. Особенно сильное воздействие, согласно многочисленным наблюдениям путешественников и исследователей, на участников обряда оказывали якутские шаманы. Страшные кривляния, прыжки и завывания, гримасы лица в полутьме жилища, освещаемого лишь светом тлеющих углей в очаге, конечно же, воздействовали на психику зрителей – участников обряда, пугая их и вовлекая в процесс экстаза.

Иным образом происходили камлания хакасских шаманов. Хотя камлание также было коллективным мероприятием, тем не менее в обществе принимались меры, направленные на снижение возможных негативных последствий камлания. Так, на камлании запрещалось присутствовать детям. Зрители обряда не должны были иметь при себе ножей. Если камлание якутских шаманов казалось исследователям-очевидцам устрашающими, то камлание хакасских шаманов оставляло благоприятное впечатление [Бутанаев 2006: 120]. «У минусинских шаманов нет безобразных, отвратительных кривляний, кувырканий, ужасных криков и рева, как у других кочевых народов... но голос и напев их шаманов необыкновенно звучен, имеет свою особенную дикую прелесть, такт размерен, движенья живы, поступь облагорожена и рассчитана», – писал автор статьи «Шаманы и шаманство» [Там же]. Не заметил «истерических припадков» у шаманов алтае-саянского региона в процессе камла-

ния и Л. П. Потапов. По его мнению, постоянный контроль шамана за своим поведением во время камлания, последовательное построение маршрута своего путешествия и общение с духами не может быть результатом истерического припадка или действием, осуществляемым психически больным человеком [1991: 104].

Мы разделяем точку зрения Н. А. Алексеева, поскольку у других сибирских народов, проживающих в таких же суровых природных условиях, подобные заболевания упоминаются редко. Мало что известно о психических расстройствах у соседей бурят – монголов. Полагаем, что в среде бурят-буддистов Забайкалья психических заболеваний было меньше, чем в Иркутской губернии, что обосновано не только разным вероисповеданием, но и разным отношением бурятских обществ Предбайкалья и Забайкалья к употреблению спиртных напитков. В среде забайкальских бурят сурово порицалось пьянство. Пить *архи* (молочную водку) не возбранялось только старикам в дни больших праздников. При этом никто не напивался [Галданова 1992: 113]. Трезвость как одну из главных добродетелей бурят Забайкалья отмечал Ю. Д. Талько-Грынцевич. Антрополог писал: «Буряты ведут вообще трезвую жизнь, а пристраиваются к водке преимущественно крещеные, которые встречаются с влиянием европейской культуры» [1902: 44]. В Иркутской губернии злоупотребление спиртными напитками наблюдалось и среди крещенных бурят, и среди бурят-шаманистов.

Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00120 «Традиционные медицинские знания монгольских народов в ретроспективе и в будущем».

Примечание

I. О судьбе одной из таких женщин по имени Бараанаг гласит предание унгинских бурят. В замужестве женщина почувствовала, что имеет шаманское призвание. Свекор пригласил знаменитого шамана для совершения обряда теломытия, но шаман вместо посвящения ее в сан шаманки исполнил отходную, чтобы она никогда не стала шаманкой. Женщина заболела, а свекор закрыл ее в пустую юрту, забил снаружи дверь, закрыл сверху дымоходный просвет. По прошествии 9 дней она скончалась и после смерти стала заянкой, которая стала мстить жителям Онгоя [Бараанаг 1992: 283–84].

Литература

- Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. / Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1975. – 198 с.
- Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1992. – 242 с.
- Бараанаг // Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – С. 283–287.
- Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2006. – 254 с.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 172 с.
- Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов / И. С. Гурвич. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
- Дух-хозяйка Атана. Богулурская айыы // Якутские мифы / сост. Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – С. 312–320.
- Манжигеев А. И. Причины существования шаманистических пережитков и способы преодоления их / А. И. Манжигеев // Этнографический сборник. Вып. 3. – Улан-Удэ: Тип. Мин-ва культуры Бур. АССР, 1962. – С. 79–87.
- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины / А. И. Манжигеев. – М.: Наука, 1978. – 125 с.

Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм. История. Структура. Социальные функции / Т. М. Михайлов. – Новосибирск: Наука, 1987. – 287 с.

Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья / Г. М. Осокин. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. – 304 с.

Пинтилей Н. В. Этиология и традиционные методы лечения психических заболеваний в русской народной медицине / Н. В. Пинтилей, Е. С. Черкасова // Медицина и образование в Сибири. ГБОУ ВПО Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России. – 2013. – № 4. – 10 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20523512> (дата обращения: 23.08.2018 г.).

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Л.: Наука, 1991. – 320 с.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Народности Центральной Азии (монголо-халхасцы, буряты и тунгусы): антропол. очерк / Ю. Д. Талько-Грынцевич // Тр. Троицкосавско-Кяхт. отд. Приамур. отдела Императ. Рус. геогр. о-ва. – 1902. – Т. V. – Вып. 1. – С. 39–77.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 550 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / Л. Эрдэнэболд. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 196 с.

References

Alekseev N. A. Tradicionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v. / N. A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 1975. – 198 s.

Alekseev N. A. Tradicionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnyh narodov Sibiri / N. A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 242 s.

Baraanag // Nebesnaya deva-lebed'. Buryatskie skazki, predaniya i legendy. – Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1992. – S. 283–287.

Butanaev V. Ya. Tradicionnyj shamanizm Hongoraya / V. Ya. Butanaev. – Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta, 2006. – 254 s.

Galdanova G. R. Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) / G. R. Galdanova. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 172 s.

Gurvich I. S. Kul'tura severnyh yakutov-olenevodov / I. S. Gurvich. – M.: Nauka, 1977. – 245 s.

Duh-hozyajka Atana. Bogulurskaya ajyy // Yakutskie mify / sost. N. A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – S. 312–320.

Manzhigeev A. I. Prichiny sushchestvovaniya shamanisticheskikh perezhitkov i sposoby preodoleniya ih / A. I. Manzhigeev // Etnograficheskij sbornik. Vyp. 3. – Ulan-Ude: Tip. Min-va kul'tury Bur. ASSR, 1962. – S. 79–87.

Manzhigeev I. A. Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy / A. I. Manzhigeev. – M.: Nauka, 1978. – 125 s.

Mihajlov T. M. Buryatskij shamanizm. Istoriya. Struktura. Social'nye funkcii / T. M. Mihajlov. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 287 s.

Osokin G. M. Na granice Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabajkal'ya / G. M. Osokin. – SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1906. – 304 s.

Pintilej N. V. Etiologiya i tradicionnye metody lecheniya psichicheskikh zabolevanij v russkoj narodnoj medicine / N. V. Pintilej, E. S. Cherkasova // Medicina i obrazovanie v Sibiri. GBOU VPO Novosibirskij gosudarstvennyj medicinskij universitet Minzdrava Rossii. – 2013. – № 4. – 10 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20523512> (data obrashcheniya: 23.08.2018).

Potapov L. P. Altajskij shamanizm / L. P. Potapov. – L.: Nauka, 1991. – 320 s.

Tal'ko-Gryncevich Yu. D. Narodnosti Central'noj Azii (mongolo-halhascy, buryaty i tungusy): antropol. ocherk / Yu. D. Tal'ko-Gryncevich // Тр. Троицкосавско-Кяхт. отд. Приамур. отдела Императ. Рус. геогр. о-ва. – 1902. – Т. V. – Вып. 1. – С. 39–77.

Hangalov M. N. Sbranie sochinenij. T. I / M. N. Hangalov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958. – 550 s.

Erdenebold L. Tradicionnye verovaniya ojrat-mongolov (konec XIX – nachalo XX v.) / L. Erdenebold. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2013. – 196 s.